

1. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

И. С. Бандурист (Тверь)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИОННОГО И ПОСТСЕКУЛЯРНОГО РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРЬЕРОВ ТРАДИЦИОННОГО И МОДЕРНИСТСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ХРАМОВ.

Наше небольшое исследование посвящено теме соотношения религиозного мировоззрения и храмового пространства в рамках современной католической культуры. Постулат о влиянии изменений в области мировоззренческой парадигмы на знаковую систему той или иной области культуры не является новым. Известно, что изменение пути развития культуры трансформирует господствующие культурные стили или порождает новые (так произошло в европейской культуре, где готику сменил Ренессанс, его, в свою очередь барокко и классицизм). Новый стиль культуры способен полностью нивелировать смыслы, актуальные для предыдущей культурной парадигмы. Здесь уместно вспомнить эпоху Просвещения, которая своим гиперрационализмом нанесла ощутимый удар по религиозному сознанию среднестатистического европейца.

Мы выбрали католическую культуру как сравнительно устойчивую ко внешним (экономическим, политическим и социальным) культурным катаклизмам, но в то же время более репрезентативную в отношении результатов влияния смены мировоззренческой парадигмы на знаковую систему, чем другие христианские конфессии. Мировоззренческие парадигмы являются довольно устойчивыми, обеспечивая индивиду экзистенциальный и психологический покой. Новые культурные эпохи вносят свои коррективы в ту или иную парадигму. В контексте данного доклада представляется возможным говорить о традиционной и постсекулярной парадигме религиозного сознания. Традиционная парадигма:

- имеет своей основой традиционные христианские ценности. Аксиологический фундамент такой парадигмы заложен со времен Отцов Церкви.

- Самоопределение индивида в рамках традиционного религиозного мировоззрения осуществляется соответственно иерархии ценностей. Иерархия эта выстроена по вертикали и восходит от общего к индивидуальному по следующей схеме: принадлежность (непринадлежность) индивида к общине верных – участие (неучастие) в

Святой Мессе в общине, ограниченной стенами храма – индивидуальное участие (неучастие) в Таинстве Евхаристии (и Покаяния).

- Одна из основных мировоззренческих установок – установка на чудо. В рамках христианской культуры это ситуации иерофании.

II Ватиканский Собор (1963 – 1965), провозгласивший курс на экуменизм и либерализацию Церкви, внес существенные коррективы в мировоззренческую парадигму католицизма. Вот что мы читаем в книге, посвященной постсоборной литургии: «Основные цели, которые поставили перед собой Отцы Собора, это развитие и углубление духовной жизни Церкви (экклесиологическая цель), объединение всех верных во Христа (экуменическая цель) и привлечение всех людей в лоно Церкви (миссионерская цель). Эти цели, тесно связанные с обновлением Литургии, Собор намеревался достичь через Литургию».

II Ватиканский Собор является лишь частью глобального культурного процесса изменения католической мировоззренческой парадигмы. Второй важной составляющей явилась культура постмодернизма, породившая феномен «квазирелигиозности». Напомним еще раз характерные черты данного явления:

- формально активная религиозная жизнь во всех странах современного общества: свобода вероисповедания, породившая огромное количество сект и псевдорелигиозных объединений, строительство и восстановление храмов, празднование религиозных праздников, открытие воскресных школ, увеличение числа прихожан и пр.

- на фоне описанной выше «религиозной истерии» – формалистическое либо индифферентное отношение к основам вероучения, пренебрежение к основным догмам, сопряженное с полной или относительной религиозной безграмотностью широких масс населения.

- «мозаичность» религиозного сознания.

- отсутствие подлинного религиозного искусства «для верующих».

В эпоху постмодернизма ритуал приобрел такие специфические черты как эклектика – смешение разнородных (а иногда и инородных) элементов для усиления зрелищности и либерализм, переходящий временами в совершенно неуместное в этой сфере культуры упрощенчество. Оппозиция «сакральное/профанное» (основная для ритуала) всё больше дезактуализируется для современной культуры, дезориентируя современного человека и без того оглушенного «достижениями» современной науки и философии. Кроме этого, в ритуал проникают элементы поп-арта и эклектические смешения в области идеологии и церковной догматики, а значит, неуклонно увеличивается разрыв между внешней, материально выраженной формой и содержанием – индивидуальным, субъективным и неадекватным. Господствующий принцип удовольствия превращает ритуал в зрелище, а его отправление – в развлечение.

Современный католический храм является своеобразной «витриной» процессов, проходящих на сверхчувственном уровне.

Идея соединения земного и небесного, семиотически выраженная синтезом искусств в храме, наиболее полно реализуется в ходе богослужения. Так Тридентская Месса стала вершиной этого синтеза, придав дополнительную динамичность пространству храма эпохи барокко. В свою очередь, реформированное богослужение определило пространственные особенности современного католического храма. (Оговоримся сразу, что нами рассматриваются основные тенденции, что не исключает наличия новых католических храмов, в которых пространство организовано в полном соответствии с традицией).

Основой традиционного богослужения является актуализация и воспоминание Спасительной Жертвы Иисуса Христа, разворачивающейся в двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. В горизонтальной плоскости необходимым условием для этой символизации является богослужение. Вертикаль, направляющая мысли верующего «горе», в традиционном храме подчеркивалась художественными средствами и особыми архитектурными приемами: роспись на плафонах, купольные окна и т.д. Современный модернистский храм как правило лишен ярко выраженного акцента на вертикаль. Максимум, что можно видеть в плафоне или на потолке храма – крюк для люстры.

Время и пространство Традиционной Мессы пересекаются в точке «золотого сечения». Пространство традиционного храма перекрещивается со временем литургии в алтаре при совершении Таинства Евхаристии. Алтарь с дарохранительницей, на котором происходит пресуществление Святых Даров является «сердцем» пространства, молитва перед Причастием: «Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, Miserere nobis» (Агнец Божий, берущий на себя грехи мира, помилуй нас) – «сердцем» времени, а символом, объединяющим место и время, становится Сердце Иисуса, Богочеловека, пожертвованное ради спасения человечества. Таким образом, алтарь является точкой, от которой разворачивается остальное пространство, точнее пространства. Они пересекаются, соприкасаются друг с другом частично или полностью:

1. Алтарь.
2. Алтарное пространство.
3. Алтарная преграда.
4. Неф.
5. Нартекс.

Условием организации этих пространственных зон в традиционном храме становится статус человека, находящегося в нем. Теоретически, пространство храма во время совершающегося богослужения можно

разделить на три зоны: пространство катехуменов или оглашенных (людей, готовящихся принять Таинство Крещения или Причастия), пространство верных и пространство священнослужителей. Первое включает в себя нартекс и неф (в течение определенного времени), пространство верных – неф, до алтарной преграды; алтарное пространство, включающее в себя и алтарь, является пространством священнослужителей. Несомненно, пространство Мессы направлено из алтаря, где в Святах Дарах присутствует воплощенный Бог; через неф, где верные готовятся к Причастию, а катехумены слушают Слово Божие; к нартексу, где могут находиться люди, еще не вставшие на путь веры. Путь человека прямо противоположен – он пролегает из нефа (желание постичь основы веры и принять Крещение), где обычно находятся катехумены (готовиться к принятию Святых Таинств), до алтарной преграды, возле которой верные принимают Причастие (соединиться с Богом). Путь от дверей храма к алтарю не только условно обозначают жизненный путь, путь очищения, но и является реальным пространственным приближением к Христу, что выражено конкретным временным промежутком, затраченным на прохождение пути от двери храма к алтарной преграде.

В традиционном храме все эти пространства отделены друг от друга не только неравноценным статусом присутствующих в данных пространствах лиц, но и визуально. Нартекс, как правило, отделен от основного пространства храма стеной, неф от алтарного пространства – алтарной преградой. Таким образом, пространство храма, прежде всего, значимый функционально-семиотический элемент, который некоторые исследователи вполне обоснованно относят к статичным элементам ритуального комплекса. И действительно, храмовое пространство сохраняет часть ритуальной семантики вне ритуального действия. Оформление ритуальной среды (частью которой является храмовое пространство) естественно связано с особенностями динамических ритуалов.

Обновленная Месса, в духе породившего ее мировоззрения, либеральна и предельно облегчена. «Церковь повернулась лицом к народу»: службы сокращены по времени, проводятся на национальных языках, григорианское пение заменено «участием верных в Мессе», то есть светским пением «кто в лес, кто по дрова», центром богослужения является проповедь, а не евхаристическая тайна. В целом, обновленные ритуалы максимально секуляризованы и приведены в полное соответствие с современным светским сознанием, при котором малейший намек на экспликационность считается по меньшей мере неприличным. Демократическая церковь разрешает присутствие на Мессе и «еллину, и иудею», и буддисту, и мусульманину. Границы между духовенством и мирянами стирается. По сему, в современном храме нет нужды дополнительно семиотизировать невозможность пересечения границы нефа

и алтарного пространства (алтарная преграда) ибо эта невозможность исчезла. Разрешение присутствовать в алтаре дано всем категориям граждан, независимо от возраста, национальной и гендерной принадлежности.

Алтарное пространство в модернистском храме окончательно лишилось своего особого семиотического статуса, статуса «сердца храма» и «нулевой точки» координат развертывания пространств Мессы. Дополнительным подтверждением тому является изменение местоположения кафедры.

В традиционном храме кафедра помещалась слева от алтаря над алтарной преградой или в пространстве нефа (это зависело от размеров и акустических особенностей храма). Так или иначе, положение кафедры соответствовало двум основным принципам:

1. Кафедра не пересекала границы, отделяющей пространство алтаря от пространства верных.

2. Кафедра не загромождала от верующих Дарохранительницу, равно как и не отвлекала от нее внимания.

С кафедры произносилась проповедь, объяснялись части катехизиса, делались объявления. Причем, поднимаясь на кафедру, священнослужитель менял языковой регистр, переходя с церковной латыни на национальный язык. Таким образом не только разделялись элементы динамического ритуала, но и дополнительно семиотически подчеркивалась сакральность алтарного пространства. В данном случае мы можем наблюдать пример вербальной (смена языкового регистра) и невербальной (местоположение кафедры) семиотизации. Хочется отметить, что священник, покинув алтарное пространство, не смешивался с массой верующих. Кафедра всегда находилась на возвышении, что подчеркивало особый статус священнослужителя.

В демократичном модернистском храме кафедра находится в пресвитерии, справа от стола, именуемого «менсой». Стирание смысловых особенностей каждого из пространств Мессы (и храма) привело к тому, что кафедра превратилась в трибуну, за которой и проповедь произносится, и Евангелие читается, и прихожане псалмы поют. В результате прихожанин перестает понимать, где он находится. Происходит смешение семиотических моделей «храм», «театр» и «клуб», что вызывает резкое отторжение и даже экзистенциальный кризис у индивида с традиционным типом мышления.

Алтарь в традиционном храме является местом, где находится дарохранительница. Важность дарохранительницы подчеркнута не только с помощью украшений (обычно она изысканно и богато украшалась драгоценными камнями и золотом, символизирующим Свет божественной благодати), но и особым расположением – в центре храма (к алтарю ведут три ступени), в центре алтаря, над менсой

(поверхностью алтаря). Расположение дарохранительницы оказывается таковым, что верующий может созерцать её только «снизу вверх». Это исключает даже малейшую непочтительность по отношению к Святым Дарам. И Месса совершалась лицом к алтарю. Количество и перечень предметов, расположенных на алтаре строго регламентирован.

В модернистском храме менса отнесена от дарохранительницы на середину алтарного пространства, «для того, чтобы алтарь можно было обойти и совершать Литургию лицом к народу». Нарушена семиотическая и ритуальная целостность данной системы знаков. Священник стоит за столом (по другому этот элемент храмового убранства в сложившейся семиотической ситуации обозначить нельзя) спиной к Святым Дарам и лицом к народу, разделяя своим телом эти два важнейших элемента, вторгаясь в сакральную целостность алтаря. Помимо прочего, на алтаре-столе появляется некоторое количество чужеродных для пространства алтаря предметов: микрофоны, горшки с цветами, корзинки с булочками и пр. Таким образом, менса превращается в демонстрационный стол, на котором вино и хлеб «превращаются» для прихожан в Тело и Кровь Христовы. Кстати, это напрямую противоречит положению Тридентского Собора о Таинстве Евхаристии.

Пресуществление, бывшее тайной для мирян, становится превращением, за которым может наблюдать каждый. Позиция священника по отношению к народу семиотически выражает такие тенденции современного религиозного мышления как установка на демираклизацию, «расчудесивание» (термин Бультмана) и преобладание рациональности над экзистенцией. Вера в Дары Мессы уступает место априорному отрицанию того, что М. Элиаде называл «иерофанией». Индивид ждет чуда как результата ритуальных действий, не веря в возможность такового. Такова парадоксальная установка современного квазирелигиозного мышления.

Отдельно хочется сказать о стиле внутреннего убранства храма. Как уже подчеркивалось, установка на экспликационность характерна для литургических знаковых систем. Избыточность знаковых средств является способом выведения к усмотрению более высоких смыслов, семантических единиц более высокого уровня. Литургическое действие системно, значит, экспликационность можно выявить на разных уровнях. В пространстве храма избыточность может выражаться следующим образом:

- сложная архитектурная организация пространства. В барочном храме – это «лабиринтность», причудливое сочетание перетекающих друг в друга пространств, символизирующее тернистый путь человека к Богу.

- избыточный декор. Многочисленные изображения святых, богатая орнаментика, изобилие икон и скульптуры. В данном случае из многочисленных изображений святого (или Богородицы) складывается наиболее полный его образ. Современная обновленная церковь высказала свое отношение к избыточности декора однозначно: «Второй Ватиканский Собор следуя традиции Церкви, обратил внимание на связь сакрального искусства с литургией. Сакральное искусство должно служить Литургии, а не наоборот. Искусство призвано прежде всего облегчать верующим активное участие в Литургии. Пастырская цель требует, чтобы сакральное искусство было понятно среднему верующему. Размещение в церкви изображений и скульптур причудливой формы не имеет смысла. Это не соответствует духу Литургии, требующей благородной простоты. Священные изображения, расположенные в церквях, связаны с почитанием святых Господних. Это соответствует древнейшей традиции Церкви. Однако, необходимо следить за тем, чтобы их не было слишком много, и чтобы они не отвлекали внимания верующих от совершающейся Св. Мессы. Одному святому может быть посвящено только одно изображение. Размещение изображений в церкви должно отвечать набожности верующих. Все убранство церкви должно отличаться благородной простотой, следует избегать пышности».

Как мы отмечали выше, экспликационность ведет к усмотрению более высоких смыслов: человек без религиозного опыта, прежде всего, реагирует на чрезмерную сложность (и пышность) ритуала. Можно вспомнить многочисленные свидетельства людей в которых реакция на красоту богослужения являлась одним из определяющих факторов принятия христианства.

Обновленная Месса сводит избыточность к минимуму, ибо для секуляризованного сознания она является «шумами в канале связи», затрудняя коммуникацию человек-Бог.

Подведем некоторые итоги. Двум типам религиозного мировоззрения соответствуют два типа храмов.

1. Традиционное мировоззрение с серьезными аксиологическими установками, восприимчивостью к высшим смыслам и готовностью к сложной коммуникации. Этому типу соответствует храм с избыточным декором, четким делением пространств, единым алтарем и традиционной Мессой.

2. Секуляризованное квазирелигиозное мировоззрение с установкой на простоту, удобство ритуала и необременительность его отправления. Модернистский храм все больше напоминает клуб или театр, где сценой является алтарное пространство. Минимализированный декор, общее пространство, нивелирующее различие статусов людей, присутствующих на богослужении, а также

превращающее храм в место, в котором можно давать увеселительные концерты дабы служение Богу не оказалось для прихожан слишком скучным.

Мы воздержимся от оценки происходящих процессов десемiotизации и десакрализации в области религиозной культуры. Остается только выказать надежду на то, что деятельность нынешнего Папы, направленная на возвращение элементов традиции в современную религиозную жизнь, поспособствует сохранению традиционных ритуальных систем, столь привлекательных и интересных для семиотики.

А.А. Богатырёв (г. Тверь)

ВАРИАНТЫ ПЕРЕДАЧИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО НАЧАЛА В ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ (этюд)

«Литература и искусство превратили тревогу в один из главных элементов своих произведений, причем это проявляется как на уровне содержания, так и на уровне стиля» (Пауль Тиллих).

00. Настоящая статья посвящена разработке элементарной типологии герменевтически релевантных способов представления референта в переводном беллетристическом тексте. Текст повествования рассматривается нами как опредмеченная риторико-герменевтическая программа смыслопостроения. Сутью такой, риторико-герменевтической программы является оптимизация средствами текстовой организации читательской деятельности по освоению содержательности текста (в том числе его содержания и смыслов в их существенных связях и аспектах взаимодействия). Как известно, переводческие практики порождают тексты, представляющие в одной, принимающей лингвокультуре за тексты иной, исходной лингвокультуры. В этой связи возникает вопрос о полноценном воспроизведении в переводе риторико-герменевтической программы исходного текста, а также о критериях оценки переводных текстов.

В качестве предметного образца исследования выступает фрагмент зачина новеллы Эдгара Алана Поэ 'The Fall of the House of Usher' (1839). В центре рассмотрения – фраза, посвященная описанию духовно-душевного состояния повествователя (см. п. 02).

В плане исследования переводов «прозаических» сочинений Э.А. Поэ на русский язык в России и СССР (и в частности – избранного текста) «история вопроса» незатейлива. Переводы делятся на «до Бальмонта», К.Д. Бальмонта (получивший (а) лапидарную дружественную оценку